

УДК 911.3

РЕГИОНАЛИЗМ В УКРАИНЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2014 г. Я.В. Верменич

Институт истории Украины НАН (Украина)

Поступила в редакцию 26.06.2013 г.

В статье проанализированы основные теоретические и методологические подходы к изучению феномена культурного регионализма в его украинском варианте. Культурный регионализм в Украине рассматривается как с точки зрения формирования культурных различий на стыке цивилизационных влияний, геополитических и династических проектов, этнических и религиозных противостояний, так и в русле соответствующих интеллектуальных рефлексий. Акцент сделан на необходимости тесного междисциплинарного сотрудничества географов и историков России и Украины в направлении концептуализации на современной методологической основе культурной регионалистики и исторической лимологии.

Рубеж тысячелетий оказался чрезвычайно плодотворным периодом для переосмысления основополагающих принципов членения пространства. Фокус региональной аналитики сместился от присущего ей эконоцентризма и линейных подходов в сторону признания асимметричности и асинхронности пространственного развития, самоценности территории не как фона, а как активного фактора социальных трансформаций. Кардинальному переосмыслению подверглось в связи с этим и понятие “регионализм”. Если ранее с ним ассоциировались преимущественно негативные коннотации, связанные с боязнью сепаратистских проявлений, то теперь в это понятие вкладывают и принцип территориальной организации, и децентрализацию как передачу компетенций на низовой уровень, и естественное стремление региона к упрочению своего статуса, и размежевания в социокультурных полях.

Особенно примечательным оказалось вычленение в системе культурной географии субдисциплин, сфокусированных на изучении пространственной дифференциации культуры на глобальном уровне (культурная география мира), на уровне отдельных стран (культурно-географическое страноведение) и на уровне регионов (культурная регионалистика). Культурная регионалистика в этой связи выступает в ипостаси комплексной дисциплины, исследующей в пространственном и временном (историческом) аспектах как реальное своеобразие регионов и культурных ландшафтов, так и соответствующие рефлексии в общественном сознании. В видении В.Н. Стрелецкого

культура в системе географических наук может рассматриваться и как культура в пространстве, и как пространство в культуре. Соответственно и в культурном регионализме просматриваются два пласта – “объективный” (комбинация артефактов и социофактов, придающих региону своеобразие или уникальность) и “рефлексивный” (представления людей об этом своеобразии и собственной идентичности). При этом второй, рефлексивный уровень представляется не менее (а во многих случаях и более) важным, чем первый [16].

Доминирующим подходам российских географов созвучны и основные тенденции концептуализации исторической регионалистики в Украине. Ее предметное поле выстраивается, начиная с 2000 г., на пересечении исторической и гуманитарной географии с исторической антропологией и культурологией. Отдел исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины видит свою задачу в исследовании регионализма и регионализации во всех их проявлениях, включая как любые разновидности взаимодействия на региональном уровне в самом широком временном диапазоне, так и их отражение в культурных и идентификационных практиках. Превалирующий в наших исследованиях экзистенциально-антропологический подход сместил фокус региональной аналитики от определенной абсолютизации временных параметров к рассмотрению пространства как самоценной в научном отношении реальности – с присущей ему асимметричностью, “пластичными” границами, несовпадением в раз-

личных культурах исторического и календарного времени.

Концептуализация исторической регионалистики создала по существу новое, “горизонтальное” измерение социогуманитарных исследований, когда общества рассматриваются в виде совокупности территориально структурированных единиц – со своим набором сущностных характеристик, поддающихся сравнению и ранжированию согласно пространственной шкале. Под таким углом зрения регионы изучаются и как объекты региональной политики центра, и как уникальные, постоянно видоизменяющиеся субъекты, которые сами себя “выстраивают” и сами создают соответствующие пространственные образы. Регион предстает также и в виде рамки-окна для фокусирования внимания на отдельных сущностных характеристиках локальности, контура для сравнений и обобщений в рамках “перекрестных” историй и различных ответвлений гуманитарной географии.

Семантическая структура региона и соответствующего образа формируется под влиянием множества факторов – экономических, политических, культурных и прочих. Поэтому столь важен по возможности широкий взгляд на регион как целостность. То, что регионы изучаются в предметных полях многих естественных и социогуманитарных дисциплин, может провоцировать сужение “поля зрения”. Если исследователя интересуют, к примеру, культурные ландшафты, он выбирает натуралистический или эстетический подход, и тогда в фокус его внимания попадают отдельные локусы, топосы, достопримечательности, ориентированные на определенную культурную модель. Специалист в области экономической географии скорее всего отдаст предпочтение изучению хозяйственной деятельности человека, ресурсного потенциала, систем природопользования и т.п.

Историка регион интересует и как сформировавшийся в процессе длительной эволюции очерченный определенными границами ареал, и как социокультурная общность со своими традициями, и как “воображенная реальность”, территориальный образ. Объектом исследования в исторической регионалистике выступают как социальные факты, как и коллективные представления и поведенческие стереотипы жителей того или иного региона в исторической ретроспективе. Преимущественное внимание при этом фокусируется на динамичных процессах – цивилизационных разломах, ценностных нестыковках, полярных интересах региональных элит. Концепции регио-

на в исторической интерпретации различаются многополюсностью и поливариантностью. Однако целостный социальный портрет региона, если его вообще возможно создать, мыслится лишь на пересечении (а лучше на объединении) усилий географов и историков в интердисциплинарном пространстве.

Взаимообогащение географического и исторического знания происходит прежде всего на уровне глоссария. Сложность систем терминопрактики в интересующем нас исследовательском ракурсе обусловлена полисемантической и размытостью основоположных понятий “регион” и “культура”, с одной стороны, и многообразием рефлексий по поводу сущности регионализма и предметного поля регионалистики – с другой. Реалии глобализации и непосредственный выход регионов на международную арену создали проблему разграничения “старого” и “нового” регионализма, а геокультурные подходы, потеснив геополитические и геоэкономические, потребовали кардинального переосмысления всех культурно-коммуникационных процессов, включая и анализ региональной культурной полиморфности. Влияние культурной среды на человека неизмеримо возрастает, когда пространство потоков, по М. Кастельсу, начинает доминировать над пространством мест. Культурные коды определяют характер управленческих процессов, власть сосредоточивается в сетях информационного обмена и манипуляции символами [9, с. 502, 503]. Для региональной аналитики это означает прежде всего смещение акцентов с объективных факторов жизнедеятельности регионов на механизмы их “самопредставления” – с конструированием (“воображением”) определенных образов, с собственными эталонами соционормативной культуры и региональной идентичности.

Культурный регион – территория, объединенная относительной гомогенностью, специфическими особенностями хозяйства и природопользования, традициями и выработанным в процессе эволюции региональным самосознанием – одновременно и социоэкономическая реальность, и интеллектуальный конструкт. Чтобы представить роль и место культуры в его становлении, необходимы не только исторические экскурсы различной глубины, но и четкое представление о соотношении макро-, мезо- и микроподходов в связках “время/пространство”. “глобальное/региональное/локальное” и пр. Понятие “локус” выступает при этом как ключевое: в новейших подходах оно рассматривается как часть культурного пространства, воспринимаемого через призму социокультурных ценностей, знаков, символов, и как вместилище

коммуникационных сетей, в которых люди и вещи находятся в перманентном взаимодействии. Роль локализма в бинарных оппозициях “глобальное/локальное” возрастает по мере того, как существенному переосмыслению подвергаются понятия партикуляризма, фрагментации, глокальности.

В отечественном варианте тезауруса регионалистики понятие “культурный регион” фигурирует, однако, нечасто. Объясняется это прежде всего тем, что региональная полиморфность в Украине – следствие многих факторов, среди которых культурный далеко не всегда превалирует. Регионы Украины разнятся по множеству параметров, в первую очередь на основе принадлежности в обозримом прошлом к двум цивилизационным конгломератам. Сформировавшись в составе стран, входящих в различные цивилизационные системы, восточные и западные регионы Украины отличаются ярко выраженными ментальными особенностями, приверженностью к разным системам ценностей и даже полярными внешнеполитическими ориентациями. Одним из парадоксов структурирования украинского пространства является также довольно отчетливая грань между регионами “старого” и “нового” (в пределах двух последних столетий) освоения. Имея в виду, в частности, экономический “профиль” асимметрии, в Украине чаще говорят о региональной сегментации, чем о культурном регионализме.

Рамки статьи существенно ограничивают возможности анализа того, как и почему возник существенный разрыв в ценностных ориентациях, этнических и языковых приоритетах, внешнеполитических ориентациях условного Востока и условного Запада Украины. Ограничимся констатацией того, что в течение столетий на территории современной Украины сосуществовал целый ряд пространственных комплексов, слабо связанных между собой. Подчинение их разным государствам предопределяло сложное взаимодействие различных политических факторов и связанные с этим частые изменения границ. Не защищенное природными рубежами пространство было подвержено постоянным набегам и завоеваниям, и автохтонное население никогда не чувствовало себя полноправным хозяином в своем доме.

По общему мнению специалистов, Украина – идеальный объект для исследований асимметричности в региональном развитии. Начиная со времен Великого переселения народов, базовым компонентом отечественной истории стала своеобразная “фронтирность”. Украинские земли были пограничьем восточных славян по отношению к западным славянам и венграм, порубежьем

православия относительно римо-католического мира, частью Большой границы, разделявшей христианский и мусульманский миры. Они так часто становились ареной войн, инициированных соседями, что последние в большинстве случаев рассматривали их как “пограничье, окраину их собственного государства” [7, с. 17, 18].

Как правило, историки, географы, этнографы выделяют четыре макрорегиона Украины – Западный, Центральный, Восточный и Южный. Достаточно условное, это членение отражает, однако, различную историческую судьбу украинских земель после распада в XI–XII вв. хотя и слабо централизованного, но достаточно мощного государства – Киевской Руси. Западный регион после кратковременного существования на грани оформления собственной государственности оказался “яблоком раздора” между Польшей, Великим княжеством Литовским и Венгрией, еще в XI в. включившей в свой состав Закарпатье. Центр Руси, начиная с XIII столетия, оказался в орбите влияния Золотой Орды, которая на основе кондоминиума передала значительную территорию Поднепровья и Волыни под управление Великого княжества Литовского. После Люблинской унии 1569 г. она перешла под власть Польши. За северную ее окраину с Речью Посполитой с переменным успехом вела борьбу окрепшая Московия. Южные земли – территория между Днепром и Прутом – оказались в составе вновь созданного Молдавского княжества, находившегося в вассальной зависимости вначале от Польши, а с XVI в. – от Турции. В Крыму до его завоевания турками в 1475 г. генуэзские колонии делили территорию с Крымским ханством.

Огромные территории сегодняшнего Востока и Юга Украины в течение столетий оставались незаселенными вследствие постоянных набегов степных кочевников. Понятие Степи, давно превратившееся из физико-географического в метафизическое, отражало трагическую реальность: в течение как минимум полутора тысячелетий, вплоть до конца XVIII в., Степь воспринималась как постоянный источник опасности для живущих в соседстве с нею оседлых этнических общностей. Взаимодействие “оседлых” и “кочевых” культур было, однако, более сложным и многогранным, чем это представлялось “отцам-основателям” национальной истории. Переосмысление проблемы номадизма в современной гуманитаристике дает основания для корректировки упрощенных схем “степняков-завоевателей”. Причудливые конфигурации симбиоза “степных номадов” и “казацкой вольницы” целесообразно рассматривать в общем контексте воинственности и освященного

традицией стремления к переделу собственности, присущих Средневековью и раннему Новому времени, что мы и пытаемся делать. Не забывая, однако, о том, какими экономическими, демографическими, социально-психологическими, культурными потерями было чревато превращение огромной территории с плодородными землями в “дикое поле”.

Западные порубежные влияния также оказались для формирующегося украинского этноса источником многих трагедий. После перехода восточнославянских территорий Великого княжества Литовского под власть Польши эти земли вместе с Галицией стали фактически польскими колониями. Религиозное обращение подавляющего большинства украинской шляхты в католицизм закрепила Брестская уния 1596 г., но в народных низах сохранялась сильная приверженность православию. Разительные социальные отличия, усиленные культурными и религиозными, привели к глубоким политическим противостояниям. К тому же Речь Посполитая оказалась неспособной обезопасить свои границы от набегов кочевников и вынуждена была легализировать украинское казачество как едва ли не единственную силу, способную им противостоять.

Новое сословие сумело быстро преодолеть расстояние от “архетипа беглеца” до основателя новых политических и социальных структур. В ходе Национальной революции середины XVII в. казачество в союзе с православным духовенством успешно создавало основы собственной государственности, своеобразной социальной микроструктуры и самобытной территориальной организации. Однако сохранить их в условиях порубежья, на стыке интересов трех враждующих между собой государств не представлялось возможным. Следствием разных политических устремлений местных элит стала беспрецедентная по своим масштабам Руина, разделившая Украину по Днепру и превратившая цветущий край в безлюдную пустошь. Все же значительной части украинских земель, оказавшихся на российской орбите, удавалось в течение столетия сохранять остатки автономии.

Крайне тяжелые условия существования обуславливали повышенную пространственную мобильность населения – регионы “нового освоения” обустроивались в основном за счет мигрантов. В ареале российско-украинского порубежья Слобожанщина заселялась как выходцами из России, так и беженцами с Правобережной Украины. Ныне этот регион располагается по обе стороны российско-украинской границы, и векторы рефлексий и устремлений его граждан достаточно

сложно вписать в интерпретационные рамки наличествующих национальных парадигм. Весьма перспективными в этой связи представляются совместные исследования специфики цивилизационного пограничья историками, географами, экономистами, культурологами сопредельных стран, посильное участие в котором принимает и издаваемый нашим институтом ежегодник “Региональная история Украины” [4, 15]. История интеллектуального освоения Слобожанщины нашла также интересное воплощение в рамках проекта “Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова” [10].

Не менее продуктивным с точки зрения “перекрестных” влияний и непосредственных контактов является исследование совместными усилиями историков и географов процессов модернизации на землях Юга, ставших ареной бурной колонизации после успешных для Российской империи русско-турецких войн XVIII в. Создававшаяся в новосозданных городских поселениях многонациональная среда характеризовалась асимметрией ориентаций, причудливой смесью патриархальных, консервативных, реформистских, революционных настроений. Социальные антагонизмы на территории Правобережной Украины, также вошедшей в состав Российской империи после разделов Польши, формировались в значительной степени на иной, этнической основе, поскольку полякам, стремящимся к реваншу, удалось сохранить доминирующие позиции в сфере землевладения.

Что касается Западного региона, который после разделов Польши оказался в составе Австрийской (после 1867 г. Австро-Венгерской) империи, то здесь региональная идентичность в значительно большей степени, чем на Правобережье, формировалась в русле политизации этничности. В Галиции австрийские власти сознательно подогревали польско-украинский антагонизм, вследствие чего в политическую жизнь был привнесен дух перманентной конфронтационности. Однако уровень политических свобод здесь был несравненно выше, чем в Российской империи, что сделало Западную Украину центром притяжения для украинского национального движения.

Украина оказалась в эпицентре катаклизмов XX столетия, неизмеримо углубивших ее региональную поляризацию. Крайне непоследовательная национальная политика большевистских лидеров все же сохраняла определенный ореол притягательности для части западноукраинского населения, вследствие чего аннексия Западной Украины в состав СССР прошла в 1939 г. без

серьезных политических осложнений. Однако впоследствии накал антисоветской борьбы в этом регионе превзошел все мыслимые пределы.

Понять специфичность украинских реалий, созданных развитием в двух цивилизационных системах, способна помочь предложенная одесским политологом В.А. Дергачевым концепция рубежной коммуникативности. В его видении Украина представляет собой типичное рубежное государство, в современных пределах которого сошлись “края” трех геополитических, геоэкономических и геокультурных пространств: западноевропейского, восточноевропейского и средиземноморского. В этом многомерном коммуникационном пространстве в течение веков создавалась высокая творческая (или разрушительная) энергия, происходила “конкуренция приоритетов”.

Далеко не во всем бесспорная, концепция Дергачева все же помогает понять специфическую энергетику, во многом обусловившую культурную биполярность украинских реалий. Рубежная коммуникативность, по его убеждению, имеет не только географическую природу – она проходит через эмоциональную сферу – “ландшафты души”. В сложных ситуациях “реликтовые рубежи” способны проявляться социально-психологическим дискомфортом и выраженной конфликтностью. В том, что Украина не сумела создать согласованный проект развития и все более превращается в “страну утраченных возможностей”, “некомпетентного суверенитета”, автор видит прямой результат изменений ее геополитического кода под влиянием фактора порубежности [6].

В рамках нашей темы важно, однако, видеть не столько цивилизационные различия по линии “Запад – Восток”, сколько истоки становления раздвоенной лояльности, дихотомных ментальностей и региональных идентичностей как результат ситуации пограничья. Если на Востоке и Юге формирование современной украинской нации происходило на основе гражданских приоритетов и двуязычия, то на Западе в основе всех общественных лояльностей оказалась этническая; язык и приверженность традиционным ценностям рассматриваются там как основное мерило патриотизма. Тенденцией последних лет является распространение этноцентристских настроений и на центральные области Украины, в частности на столицу, что нашло отражение в появлении в парламенте праворадикального крыла. Если говорить в этом контексте об обострившемся противостоянии элит, то оно давно вышло за пределы полемики, ведущейся в культурологическом русле. Здесь доминирует “дискурс агональности”,

причем оппозиция в ее нынешнем виде не стесняется в применении “языка ненависти” вплоть до обвинений власти в предательстве интересов украинского народа.

Часто встречающаяся в политической аналитике констатация наличия в Украине “фактически двух наций”, “двух цивилизационных конгломератов – украинно- и русскокультурного” [14, с. 574, 585], на наш взгляд, все же не отражает всей сложности проблемы культурного регионализма. Во-первых, между “двумя Украинами” нет четкой границы, во-вторых, уровень политической культуры населения сегодня настолько невысок, что судить о реальной приверженности индивида в том или ином регионе к доминирующей в нем системе ценностей сложно. Борьба идет не столько на уровне реальных интересов, сколько на уровне символов и симулякров. Хотя не приходится игнорировать и тот факт, что политические размежевания в Украине имеют прочную этническую и языковую подоплеку. Диапазон расхождений явно вывывается во время избирательных кампаний и протестных акций. Для праворадикального спектра, основной базой которого является Галиция, основные приоритеты – этничность и украиноязычие. По мере продвижения к востоку и к югу значение этих приоритетов резко падает.

Региональная идентичность в таком контексте предстает как культурная форма и своеобразная “воображенная реальность”. Ее дополняет отражающая новые модели внутригрупповой иерархии соционормативная система с клиент-патрональными отношениями в ее основе. Сложное переплетение в региональной идентичности унаследованных от прошлого стереотипов и современных реалий, созданных разнонаправленностью интересов, обуславливает изменчивость, нестойкость всей системы представлений и настроений, на базе которых она формируется [13, с. 79, 80].

Несмотря на значительную размытость и неопределенность региональных самоидентификаций, именно понятие “региональная идентичность” в нашем представлении является важнейшим индикатором культурного регионализма и той основой, на которой возможно дальнейшее сближение позиций географов и историков. Под “зонтиком” региональной идентичности существуют различные виды идентификационных практик – культурных, этнических, языковых, религиозных и прочих, создающих хотя и противоречивую в своей основе, однако, реальную целостность. Социологи говорят в этой связи о формировании “паттерна регионального разви-

тия” – своеобразного “социокультурного кода” региона, от которого зависит тип региональной идентичности. Ими же введено понятие “региональная субкультура” для характеристики специфической конфигурации ценностей, представлений, традиций, социокультурных практик, свойственных жителям определенного региона.

Как полагает Н.Н. Кузьмин, дискурс идентичности базируется на двух мифах – географическом и историческом, и когда речь идет о регионах, то эта мифология явно “хромает”. Если в Западной Европе границы провинций (за исключением департаментов Франции) создавались в процессе исторического развития, то на постсоветском пространстве эти границы, как правило, “лишь результат стремления к управленческой эффективности”. Географически четко в Украине выделяются лишь два региона – Закарпатье и Крым; учет исторической специфики позволяет добавить к ним Галицию. Для остальных регионов существует проблема конструирования региональной идентичности, далеко не решенная в полном объеме [12, с. 150].

Понятно, что потенциал культурного регионализма в поляризованных социумах находится в обратно пропорциональной зависимости от силы национально-гражданской идентичности. В Украине после “оранжевой революции” в моду вошел даже концепт “раскола”, якобы угрожающего Украине. Однако социологические исследования панические выводы не подтверждают: большинство граждан поддерживает независимость и целостность страны, в которой живет и идентифицирует себя с нею. Анализируя эти данные, львовский историк Я. Грицак приходит к выводу: проблема с украинской идентичностью состоит в том, что в разных регионах ее определяют различным набором признаков. Главная линия размежеваний внутри украинского общества пролегла не между украинской и неукраинской (русской) идентичностью, а между различными толкованиями украинской идентичности разными общественными стратами и политическими силами [3, с. 171–186].

Как и термин “регион”, который специалисты часто называют “ускользающим”, понятие граница региона – не столько физическое, сколько ментальное. Границы определяются “общим жизненным контекстом”, чувством причастности и лояльности. На пограничьях возникают “гибридные” идентичности, часто с негативным подтекстом дополнительных рисков. Отдел исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины, давно ведущий разработ-

ки комплексной темы границ и пограничья, ставит своей целью концептуализацию исторической лимнологии как особого междисциплинарного исследовательского направления. Теоретический базис для нее уже в значительной мере создан работами политиков-географов, а эмпирический – исследованиями специфических контактных зон и перекрестных влияний в русле теорий фронта.

Феномен фронта, изученный на материале американской истории более века назад, сегодня рассматривается не столько как территориальный, сколько как ландшафтно-ментальный, то есть преимущественно в ключе социального конструирования реальности. В связи с переформатированием политической карты мира в конце XX в. существенному переосмыслению подверглись понятия “центральности/периферийности”, “трех миров”, “перекрестных историй”, конкретизируются функции и типология “старых” и “новых” границ, “*границ-border*” и “*границ-frontier*”; повышенное внимание привлекают еврорегионы как новая форма трансграничного сотрудничества. Под ощутимым влиянием постмодернизма “мир-системно-идентичностные” подходы дополняются имиджевыми с явными признаками образного моделирования. Дискуссионные по своей сути, эти проблемы находятся в фокусе внимания на страницах уже упоминавшегося украиноязычного ежегодника “Региональная история Украины” (вышло 7 выпусков). Первые результаты работы в этом направлении обнародованы в монографии, посвященной определению предметного поля исторической локалистики [1]. Регионы при этом представлены и как целостный объект исследования (мезоуровень), и как сумма поселений (микроуровень).

Понятно, что концептуализация исторических ответвлений регионалистики встречает на своем пути немало трудностей. Большая часть их обусловлена чрезмерной метафоризацией связанных с регионализмом дискурсов. “Кодовые формулы” здесь отталкиваются, кроме “размытых” терминов “регион” и “регионализм”, и от географических определителей (геокультура, историческая география), и от пространственных категорий (пространственный порядок и аспатиальность как отрицание его определяющего значения), и от территориальных матриц (административно-территориальное деление), и от категорий “место”, “локал” (месторазвитие, транслокальность). Такая степень разноплановости усложняет построение тезауруса регионалистики, особенно с учетом влияния различных типов фантомов – “воображенных реальностей”. Определение точек соприкосновения и размежеваний в системе “глобальное/

национальное/региональное/локальное” создает дополнительные сложности.

Очевидно, что ощутимый прогресс в этом направлении возможен лишь на основе тесного междисциплинарного взаимодействия естественных (прежде всего географических) и социогуманитарных наук. Интересные новации предлагают в последнее время биологи и экологи (достаточно вспомнить в этой связи нашумевший бестселлер Дж. Даймонда с его претензией на создание новой гуманитарной истории [5]). Особенно откровенно отметить, что уже сегодня историческая и политическая регионалистика вместе с теоретической географией и герменевтикой ландшафта как ее составной частью не только создают базу для решения практических пространственных задач, но и задают новый алгоритм всем направлениям науки о пространстве и его членении. В русле оформляющейся на наших глазах “пространственной науки” мутируют представления о “центральности” и “периферийности”, способные, как оказалось, меняться местами. Утрачивает эвристическую ценность дихотомия “Запад – Восток”, а вместе с ней и западнцентризм как парадигма гуманитарной аналитики.

Для сегментированных, поляризованных социумов, каким является украинский, удобным инструментом социокультурного анализа может быть концепт лиминальности, применяющийся для характеристики неравновесных систем, находящихся на пороге изменений. Лиминальность в пространственном измерении – это пребывание в своеобразном пространстве “между” – с нечетко выраженными центрами тяготения, с отчетливыми признаками незавершенности, неоправданно затянувшейся переходности. В таком контексте явственно проявляются специфические проблемы маргинальности, неконтролируемых миграционных потоков, активизации криминалитета и т.п.

Проблема дополнительных рисков, связанных с ментальными особенностями приграничных регионов, является интердисциплинарной по определению, требующей особых форм дискурса и специфических норм взаимодействия на базисном фундаменте синтетической социальной теории. Эпистемологические возможности последней обусловлены заложенной в ней способностью к осмыслению разных вариантов культурной динамики. Социальная философия создает для нее модусы интерпретаций и репрезентаций, а социология, культурная антропология, история, социальная психология обеспечивают фактическим материалом. Широкое применение принципа конструктивизма дает возможность построения

логических цепочек и блоковых структур, способных ввести в определенную систему самые разнообразные сведения о динамических процессах в сфере культурной регионализации.

Думается, что именно на путях междисциплинарного синтеза удастся, наконец, разрешить сложную проблему дифференциации различных подсистем регионалистики, как и размежевания ее когнитивных и прикладных функций. В нашем представлении недооцененной оказалась достаточно четкая иерархия составных частей регионалистики, предложенная географами еще в 80-х гг. прошлого века. Основанная на вычленении теории районирования и последующем разграничении районистики, регионологии (регионики) и регионоведения [2, с. 260], она оказалась пригодной и для упорядочения терминологического арсенала исторической регионалистики.

Теоретико-методологический базис регионалистики в принципе укладывается в определенные географами рамки теории районирования (с определением интегрированной модели региона и критериев территориальной неоднородности и функциональной организации), естественно, с учетом изменений, внесенных реалиями глобализации/глокализации в определение сущности регионализма и его разновидностей. Далее приоритеты расставляются таким образом: понятие *регионалистика* принимается как обобщающее, термин *районистика* употребляется для обозначения совокупности методов идентификации (определения таксонов) и критериев районирования и применяется преимущественно в прикладной сфере. Остается размежевать понятия *регионология* (районология, регионика) и *регионоведение*. Представляется целесообразным употреблять первое для характеристики в ее динамическом развитии системы научного познания процессов и факторов районирования, функционирования и развития конкретных регионов, а второе – преимущественно в статике – для представления регионов в контексте страноведения. Естественно, что такое членение условно и может стимулировать возражения и дискуссии. Однако, на наш взгляд, принятые критерии различения все же являются более продуктивными, чем употребление терминов регионалистика, регионология и регионоведение вразнобой или как синонимов.

Пока что можно лишь констатировать: опытом многих стран подтверждена продуктивность самых широких, геофилософских и геоисторических, подходов к анализу региональной специфики, и цивилизационный критерий может столь же стремительно утратить свою эвристическую

ценность, как и формационный. По мнению некоторых историков, ему на смену вполне может прийти история векторная, история столетий различной длительности, по-разному ориентированная для различных регионов [8, с. 24]. И тогда на первый план неминуемо выйдет одинаково интересный и для географов, и для историков вопрос о центрах притяжения и отталкивания, совместимости/несовместимости культурных традиций и ценностных ориентаций и т.п. В любом случае культурный регионализм останется в числе приоритетов и для теории пространственной организации социумов, и для практической региональной аналитики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верменич Я.* Локальна історія як науковий напрям: традиції й інновації. К.: Інститут історії України НАН України, 2012. 284 с.
2. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Гл. ред. Трёшников А.Ф. М.: Советская энциклопедия, 1988. 431 с.
3. *Грицак Я.* Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. Есеї. К.: Критика, 2011. 350 с.
4. *Гриценко А.* Историко-культурные регионы российско-украинского приграничья: прошлое и настоящее // Региональна історія України. Вип. 5. К., 2011. С. 101–110.
5. *Даймонд Дж.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают? К., 2008.
6. *Дергачев В.* Геополитическая и геоэкономическая трансформация Украины // Дергачев В.А. Научные труды в семи книгах. Кн. 6. Электронное издание на CD. Издательский проект профессора Дергачева, 2008. Режим доступа: <http://dergachev.ru/book-16/01.html>.
7. *Канпелер А.* Мала історія України. К.: Видавництво "К.І.С.", 2007. 264 с.
8. *Карпов С.П.* Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 17–26.
9. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
10. *Кравченко В.В.* Харьков/Харків: столица Пограничья. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 358 с.
11. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 237 с.
12. *Кузьмин Н.Н.* Воображая регион: анализ возможных оснований региональной идентичности // Столунки Сходу та Заходу України: минуле, сьогодення та майбутнє. Луганськ: Знання, 2006. С. 149–156.
13. *Нагорна Л.* Регіональна ідентичність: український контекст. К.: ІПЕНД, 2008. 405 с.
14. Політичні проблеми сучасної України. Аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. К.: ІПЕНД, 2012. 599 с.
15. Российско-украинское приграничье: двадцать лет разделенного единства / Отв. ред. Колосов В.А., Вендина О.И. М.: Новый хронограф, 2011.
16. *Стрелецкий В.Н.* Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. № 3. С. 45–50.

Regionalism in Ukraine as a cultural phenomenon

Ya.V. Vermenich

Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine

The paper analyzes the main theoretical and methodological approaches to the study of the phenomenon of cultural regionalism in its Ukrainian version. The cultural regionalism in Ukraine is examined from the point of view of the formation of cultural differences at the junction of civilizational influences, geopolitical and dynastic projects, ethnic and religious rivalries, and in line with relevant intellectual reflections. Emphasis is placed on demands for close interdisciplinary cooperation of geographers and historians of Russia and Ukraine aimed at the elaboration of the methodological basis of cultural regional studies and historical limitology.